
РЕЦЕНЗИИ

В. С. РАХМАНИН

ОСЕВОЕ ВРЕМЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ

Крапивенский, С. Э. Социальные революции и современный мир. – Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2005. – 364 с.

Проблематика истории и теории социальных революций еще лет двадцать-тридцать тому назад считалась приоритетной и активно разрабатывалась отечественным обществоведением. Исследовались истоки и движущие силы социальных революций, их типы, обобщался опыт и последствия в различных странах, сопоставлялись дискуссионные концепции, даже определялись перспективы так называемого мирового революционного процесса. Особо выделялись работы Г. Г. Водолазова, К. И. Зародова, С. Э. Крапивенского, В. И. Коваля, Ю. А. Красина, М. А. Селезнева и др. Публиковались монографии по истории не только российских, но и европейских революций, об особенностях национально-освободительных и демократических революций в странах Азии, Африки, Латинской Америки. Внимательно изучались, хотя и с явным критическим уклоном, зарубежные концепции. При всем многообразии концепций, столкновении противоположных методологических подходов и интерпретаций доминировала, хотя и не была единственной, парадигма исторической закономерности революций, их прогрессивной роли.

При этом наблюдались и романтизация, идеализация социальных революций (особенно Великой Октябрьской в России), и одностороннее сведение их к так называемым межформационным. Нередко социальные революции отождествлялись с политическими переворотами. Далеко не всегда критика концепций западных исследователей носила объективный характер; идеологические суждения часто подменяли научную аргументацию.

С начала 90-х годов прошлого века подобные исследования стали угасать, отодвигаться на дальнюю периферию российского обществоведения. В исторических работах за редким исключением социальные революции истолковывались как социальные патологии, аномалии истории, расценивались как заговор левых радикалов, несущий бедствие массам.

Монография известного волгоградского философа и социолога С. Э. Крапивенского «Социальные революции и современный мир», пожалуй, первая серьезная попытка взглянуть на сложнейший и противоречивый феномен социальных революций в условиях того идеологического остракизма, которому подвергается это понятие последние полтора-два десятилетия в российском обществоведении.

В рецензируемой монографии С. Э. Крапивенский как бы подводит некоторые итоги своим исследованиям по истории и теории революций. Прослеживается единая методологическая линия размышлений автора, начиная с известной монографии «К анализу категории “социальная революция”» (1971 г.), и вместе с тем критический пересмотр, уточнение некоторых ранее высказанных позиций.

Одним из существенных, исходных положений монографии является утверждение высокой научной ценности марксистской теории общественного развития. С самого начала подчеркивается: «Марксизм оказался единственной обществоведческой теорией, разрешившей основной (генеральный!) парадокс всемирной истории, состоящий в том, что законы социального развития, носящие объективный, не зависящий от воли и сознания людей характер, реализуются только через деятельность людей» (с. 9). Кстати, о парадоксах. С. Э. Крапивенский еще в 1992 г. в Воронеже опубликовал обстоятельный труд «Парадоксы социальных революций».

Принципиально важными являются защита понятия общественно-экономической формации, доказательство неправомерности противопоставления цивилизационного подхода к анализу всемирной истории формационной методологии; критикуется упрощенное толкование этой важнейшей философской, социологической и экономической категории.

Сказанное, между прочим, не означает, будто С. Э. Крапивенский – ортодоксальный приверженец марксистских догм. Поиск

аутентичного понимания Маркса он плодотворно сочетает с глубоким позитивным и вместе с тем критическим анализом достижений немарксистских теорий общественного развития и социальных революций: от М. Вебера до Ш. Эйзенштадта. Это позволяет взглянуть на социальные революции иначе, чем допускает догматически понимаемый марксизм, и вместе с тем и Марксова теория высвечивается по-новому.

Центральной проблемой рецензируемой монографии является категория «социальная революция». Введением этой категории обществоведение обязано марксизму. Она явилась закономерным результатом социально-исторического познания, дала методологическую возможность исследовать важнейшие узловые точки исторического пространства и времени. На великие социальные революции приходится 20–25 % времени европейской истории. В последние десятилетия наблюдается то, что С. Э. Крапивенский определил как «заигрывание» с термином «социальная революция» при продолжающемся игнорировании или искажении его сущности. Это наблюдается и в среде западных теоретиков и политиков, и в российской общественной мысли. Под категорию «социальная революция» нередко подводят так называемые «оранжевые революции» (грузинская, украинская), то есть явления динамичные, но не являющиеся ни социальными, ни собственно революциями. В «лучшем случае» – это политические перевороты по переделу власти в интересах или финансово-промышленных, или бюрократических группировок. Дележ власти – это не революция, хотя одним из коренных вопросов межформационных революций действительно является проблема власти.

В начале монографии четко оговаривается и доказывается социально-философское понятие социальной революции. Оно обосновывается, развертывается в последующих главах и параграфах. Категория «социальная революция» описывает и «содержание перехода либо к новой общественно-экономической формации, либо к новой ступени цивилизации, либо к новому генотипу общества» (с. 5). Заметим, что потребность в таком видении и понимании социальных революций актуализируется и возрастает в ходе кардинальных изменений не только в России, на постсоветском пространстве, в странах Восточной Европы, но и в связи со сложными,

еще недостаточно теоретически исследованными трансформационными процессами в наиболее развитых странах и в мире в целом.

Предложенная классификация, выделение трех классов, социальных революций не совсем совпадают с традиционными марксистскими концепциями. В советское время последние, опираясь, впрочем, на многие высказывания К. Маркса, более всего обращали внимание на социальное содержание перехода от одной общественно-экономической формации к другой по восходящей линии. «Основным содержанием и сущностью межформационных революций является переход от одних к другим, более прогрессивным формациям» (с. 30). Автор подчеркивает, что речь идет о Марксовом понимании общественно-экономических формаций. Характеристикам и типам межформационных революций уделяется больше всего внимания в монографии, потому что они обстоятельнее исследованы и теоретически осмыслены марксистами. При этом автор не обходит стороной и дискуссионные проблемы теории и истории общественно-экономических формаций (вопросы об азиатском способе производства, о рабовладении и феодализме, о соотношении категорий «цивилизация» и «формация»). Свои суждения он выстраивает на основе обширного исторического материала, сопоставляя различные точки зрения. В этой связи можно только высказать пожелание более обстоятельного и глубокого анализа межформационных процессов и социальных революций в России в XX веке.

Межформационные революции – это один из классов социальных революций, которые и были в центре внимания марксистов прошлого времени. Считая такие революции не только исторической, но и современной реальностью, прогнозируя их в будущем, С. Э. Крапивенский полагает, что необходимо осуществить некий прорыв в революциологии. В качестве такого прорыва он методологически обосновывает понятие межволновых и социокультурных революций как особых классов (не типов!) социальных революций. Это дает возможность более объемно понять, что происходило в мире, в том числе и в России, в XX веке и что предстоит в XXI.

Прежде всего о межволновых социальных революциях. Термин *межволновые* навеян концепцией Э. Тоффлера о трех волнах цивилизации, каждая из которых имеет свой технико-технологический базис. Этот класс революций охватывает переходные эпохи от од-

ной ступени (волны, по Тоффлеру) цивилизации к другой ее ступени. В монографии этот класс социальных революций не характеризуется как межцивилизационные. Иначе это могло бы привести к идее столкновения цивилизаций. С. Э. Крапивенский цивилизацию понимает как некую восходящую вертикаль, а не горизонтали, локализованные в пространстве и религиозно-этнических культурах. Определяя базис цивилизации как технико-технологический, автор предупреждает о недопустимости сведения его (базиса) исключительно к технике, соглашаясь с Л. Мамфордом, предлагавшим взглянуть на «глубины исторически сложившейся природы человека»¹. К сожалению, в предложенной концепции не раскрывается собственно социальное содержание межволновых революций, хотя даже работы Э. Тоффлера, не говоря о других исследователях, которые упоминаются в книге, дают для этого вполне определенное основание. На с. 43 есть установочное определение: «цивилизация есть собственно социальная организация общества, характеризующаяся всеобщей связью индивидов и первичных общностей в целях воспроизводства и приумножения общественного богатства». Не вдаваясь в полемику о методологической обоснованности такой дефиниции (она не представляется достаточной), заметим: межволновые революции в соответствии с новым технико-технологическим базисом радикально меняют социальную организацию человеческого бытия. При переходе от одной волны цивилизации к другой «меняются и отношения между людьми, совместно участвующими в данном производственном процессе» (с. 81). Но то же самое происходит и в межформационных революциях. Хотелось бы увидеть в монографии более обстоятельный анализ социального содержания межволновых цивилизационных революций. Но надо согласиться с мнением автора о «недостаточно зрелой типологической характеристике исследований цивилизационного срез истории» (с. 79).

Третий класс социальных революций – социокультурный. Они не отождествляются с межволновыми. «В ходе революций этого класса осуществляется переход общества к новому типу духовного освоения природной и социальной действительности» (с. 48). Ис-

¹ Мамфорд, Л. Мир машин. – М., 2001. – С. 10.

ходной методологической установкой для социокультурных революций является концепция «осевого времени» К. Ясперса. Она и «есть концепция первой в истории социокультурной революции». Осевое время носит мировой характер. Понятие это введено К. Ясперсом для описания специфики поворотной эпохи между 800 и 200 годами до нашей эры, начавшейся в Китае, Индии, Персии, Палестине, Греции и приведшей к самому резкому повороту в духовной истории всего человечества. Это был социокультурный по своему содержанию крутой поворот «от мифологической эпохи с ее спокойно-устойчивым иррациональным мышлением к эпохе научного и философского осмысления окружающего мира» (с. 56).

Вопрос о третьем классе социальных революций в научной литературе еще не ставился, ибо они – крайняя редкость в истории, результат разрешения отнюдь не «рядового» кризиса в истории человечества. Сложность заключается в трудностях выявления антропоцентрического отличия социокультурных революций от межформационных и межволновых. Тем не менее предпринята попытка выделить отличительные признаки. «В межформационных и межволновых революциях человек втягивается в революции, и в ходе их происходит его изменение, социокультурные же революции предполагают предварительные кардинальные изменения сознания человека (в этом, собственно говоря, предназначение и основание социокультурных революций)» (с. 58). Предложенная формулировка не отличается социологической корректностью, как, впрочем, и сам термин «социокультурные революции». Тем не менее как предварительные, «рабочие», они могут быть приняты. Иного понятийно-категориального аппарата для описания и характеристики третьего класса социальных революций в обществоведении пока не сложилось.

Однако если проанализировать социальную философию, то обнаруживается: одной из общезначимых сквозных тем ее была в XX веке и остается в XXI столетии тема социокультурного кризиса. И не одного какого-либо общества, а социокультурных оснований человеческого бытия. По-разному выстраивали свои концепции О. Шпенглер («Закат Европы»), Х. Ортега-и-Гассет («Восстание масс», «Идеи и верования»), Й. Хейзинга («В тени завтрашнего дня. Опыт диагностики зла нашего времени»), Р. Гвардини («Конец Нового

времени»), А. Тойнби («Постижение истории»), но общий лейтмотив их размышлений – социокультурный кризис, кризисное сознание как доминирующий фактор общественного бытия, независимого от формационных структур. Это же фиксировал и П. Сорокин в своей концепции социокультурной динамики.

Нарастание кризисного сознания как общую тенденцию, даже закономерность бытия человека привычно объясняли и объясняют: одни – кризисом общественно-экономических формаций (лет 30 тому назад – капиталистической, а теперь – социалистической), другие – кризисом индустриальной цивилизации. И то и другое, бесспорно, является фактором кризиса сознания, но и институциональных, аксиологических структур бытия человека. Социокультурный кризис XX века поставил нетривиальный вопрос: не втягивается ли человечество во второе Осевое время? Формулируя этот вопрос гипотетически, С. Э. Крапивенский обосновывает утвердительный ответ, опираясь и вместе с тем полемизируя с К. Ясперсом. Как известно, немецкий философ в конце 40-х годов прошлого столетия в работе «Истоки истории и ее цель» уверенно утверждал: «Настоящее время – не второе Осевое»². Но если считать, что Осевое время – это не только время адекватного ответа (по А. Тойнби), но и время вызова («предпропастевой ситуации»), то «невольно возникает мысль, что Ясперс писал не только о восьмом – втором веке до нашей эры, но как будто и о сегодняшнем» (с. 90). Черты новой предпропастевой ситуации очевидны:

– **ужас** мира от нарастающего антропогенного экологического кризиса, тенденции выхолащивания демократии и гуманизма в глобальном масштабе, усугубленные терроризмом;

– **беспомощность** человека перед социальной несправедливостью;

– **утрата надежд и требования спасения**, отражающие традиционную пассивность массового человека и вместе с тем понимание невозможности автономного, локального освобождения и спасения.

Предположения о втором Осевом времени и, следовательно, об особом классе социальных революций – социокультурном – представляются не смелой гипотезой, а отражают глубинные реалии XX в., знаменующие не просто формационный и цивилизационный

² Ясперс, К. Смысл и назначение истории. – М., 1991. – С. 114.

кризис человека, а поворот сознания к каким-то радикально новым горизонтам бытия. Конечно, необходим более обстоятельный и аргументированный анализ, чем в рецензируемом научном труде. Но высказанная идея дает толчок к дискуссиям. Новое Осевое время (если считать его вторым после вскрытого К. Ясперсом) разворачивается в иных условиях, вернее, в иной системе общественного бытия. Возросла и приобрела новое качество интеллектуальная и технико-технологическая мощь человека, которая, как это ни парадоксально, сама по себе бросает человеку исторически небывалые вызовы. Сформировалась и усилилась глобальная системность человеческого сообщества (мегаобщество). За 2,5–3 тысячи лет со времен первого Осевого времени «изобретены» научные способы и технологии производства и разрушения любых миров, идеологий, утопий. Возрастает деструктивная глобальная напряженность миропорядка. Вызов, который обусловлен вторым Осевым временем, выдвигает, говоря словами Э. Тоффлера, проблему выживания, а также перехода к новым основаниям, структурам и ценностям планетарного существования. Поэтому «вторая социокультурная революция ставит проблему не только коллективного разума, но и **коллективной воли**» (с. 346). Осуществится она или нет? Это зависит от способности человечества к объединению.

Современная эпоха, подчеркивается и доказывается в монографии, характеризуется сопряженностью трех классов революций – межформационных, межволновых, социокультурных. Автор оговаривается: для третьего класса пока формируются условия: предпропагандистическая ситуация и элементы планетарного сознания. Сопряженность этих революций имеет свою темпоральную характеристику, свое соотношение их приоритетов. Сегодня, «чтобы человечество выжило, социокультурная революция должна носить предваряющий характер» (с. 353).

В монографии дается критический обзор различных концепций революций (Глава третья. «Интерпретация революций: разброс мнений»). Последовательно проводится мысль о необходимости синтеза знаний о социальных революциях в единой концепции. Вместе с тем автор подвергает аргументированной научной критике догматическую трактовку и фальсификацию Марксовой теории. Забвение «Марксовой теории системной характеристики социаль-

ных революций с неизбежностью привело к узко политической их трактовке» как на Западе, так и в отечественном обществоведении (с. 115–116).

С интересом читаются размышления автора о диалектике эволюционного и революционного в историческом процессе, о причинах поражения так называемого реального социализма, о политической культуре и психологических проблемах социальных революций, о перспективах социализации.

Монография С. Э. Крапивенского – это не прощание с историей и теорией революции, а новый взгляд и плодотворная попытка осмыслить переломный характер нашего времени, сложность глубинных социальных процессов в единстве их формационных, цивилизационных и социокультурных аспектов. Пожалуй, самое ценное в позиции автора, в стиле изложения и методах размышлений – конструктивная дискуссионность, чуждая всякой идеологической зашоренности и отличающаяся высокой научной этикой. Самым большим недостатком является очень малый тираж. Монография заслуживает того, чтобы издать ее большим тиражом.